

УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК: ВРЕМЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ¹

Теркулов Вячеслав Исаевич

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
Донецк, Россия

Аннотация

В работе определяются причины повышенного интереса украинских идеологов к концепту «язык», основными из которых являются, во-первых, стремление объективировать главный и, пожалуй, единственный фактор отличия украинца от русского – фактор использования в качестве родного украинского языка, а во-вторых, построить на основе украинского языка новую ментальность – собственно украинскую. Для этого используется идея древности происхождения украинского языка, обосновываемая собственно лингвистическими свидетельствами наличия в южных древнерусских диалектах языковых черт, отмечаемых и в современном украинском языке. Автор же работы выдвигает на основе экстралингвистических параметров определения статуса идиом гипотезу о том, что украинский язык возник в начале XX столетия в результате конвергенции галицкой русьской мовы и малороссийского языка.

Ключевые слова: идиом, язык, диалект, конвергенция, украинский язык, руська мова

Фактор языка становится сейчас, пожалуй, единственным маркером этнического самоопределения при идентификации русских и украинцев: не существует никаких других объективных – физиологических, культурных и т.д. признаков, позволяющих отличить современного украинца от русского, кроме, возможно, фамилии и «исторической памяти»: ты украинец, потому что твоя фамилия заканчивается на -о и тебе сказали родители, что ты украинец. Однако вряд ли среднестатистический украинец, в первую очередь, в центральных и восточных регионах, осознает свою культурную принадлежность к украинству, воспринимает мир через символы гопака, Т. Шевченко и Леси Украинки.

В связи с этим вполне объяснима «борьба за язык». Отличить украинца от русского объективно можно только по тому, на каком языке он говорит. Именно поэтому В. Иванишин и Я. Радевич-Винницкий вполне обоснованно указывают на то, что «язык – один из факторов самоорганизации общества и неотъемлемый признак таких объединений, как род, племя, народность, нация» [Иванишин 1994] (здесь и далее перевод с украинского языка наш – *В.Т.*). Некоторые исследователи идут дальше

---

¹ Статья впервые была опубликована в: Семантика и функционирование языковых единиц в славянских языках: сб. к юбилею д-ра филол. наук, проф. Н.А. Тупиковой / ред. совет.: А.Э. Калинина (пред.) [и др.]; редкол.: Д.Ю. Ильин (отв. ред.) [и др.]; Ин-т филологии и межкультур. коммуникации, Каф. рус. филологии и журналистики. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2022. 172 с.

и утверждают, что нация – это именно «языковое сообщество» [Касьянов 1999: 261]. При этом, как справедливо отмечает Д.В. Полежаев, «менталитет, который в значительной степени детерминируется социальными условиями, выражается в языковых особенностях нации, народных способах социального общения и т.п. Язык, в свою очередь, оказывает определенное формирующее влияние на процесс становления и функционирования социального менталитета и ментальности отдельной личности» [Полежаев 2009: 57]. В связи с этим, для украинских идеологов особую важность приобретает «продвижение» украинского языка, поскольку оно мотивирует, с одной стороны, формирование особой украинской ментальности, а с другой – избавление от ментальности русской. Все это очень емко было объяснено в свое время В. Ющенко, который в одном из своих выступлений сказал: «Необходимо осознать, что Украина – это государство с одним языком».

Не случайно поэтому первым законодательным актом, с которым расправилась власть в 2014 году, был Закон «Об основах государственной языковой политики» В. Колесниченко и С. Кивалова. Правда, это вызвало сопротивление органов местного самоуправления в ряде юго-восточных регионов, которые затем и вышли из состава Украины, – в Крыму и в Донбассе, что и побудило тогдашнего и.о. Президента Украины Александра Турчинова не подписывать решение Парламента об отмене Закона до тех пор, пока Верховная рада не примет новый. Однако в 2018 году Закон был отменен как неконституционный.

Следует отметить, что с владением украинским языком в современной Украине есть достаточно большие проблемы: даже для идеологов украинизации этот идиом не является, по крайней мере, функционально первым. Во время проведенного в 2008 году американским Институтом Гэллага языкового анкетирования 83% граждан Украины предпочли использовать для интервью с представителями института не украинский, а русский язык [Russian Language 2008]. Исследования Киевского международного института социологии (КМИС) показали преобладание русского языка в восточных и южных регионах Украины (Рис. 1).

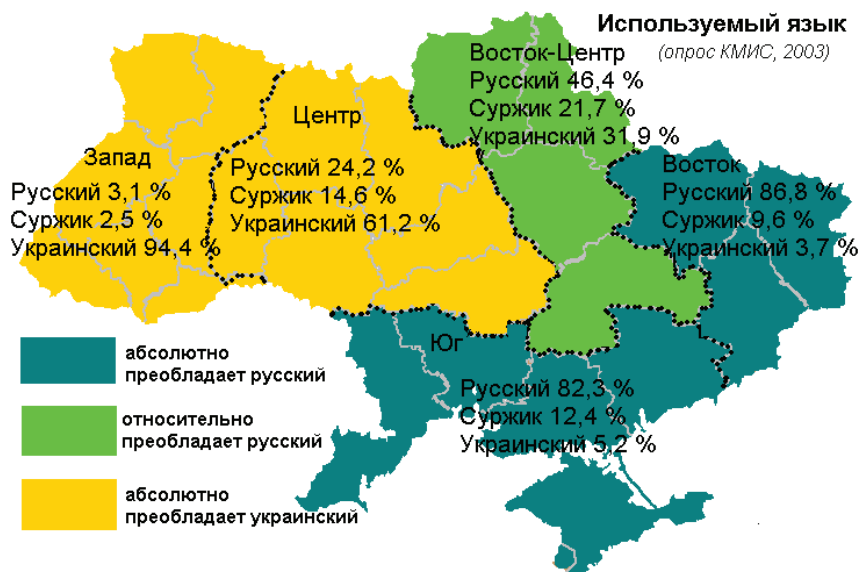

Рис. 1. Карта КМИС о языковом состоянии Украины

В связи с этим, у идеологов украинизации возникает необходимость в обосновании: а) новой доктрины «украинского языка как родного», б) исключительности и исконности украинского языка в корреляции со вторичностью и искусственностью русского языка.

Доктрина украинского языка как родного предполагает, что базовым критерием определения родного языка является не фрейм «родной язык – функционально первый язык», который использовался в приведенных выше исследованиях, а фрейм «родной язык – язык этнического и культурного самоопределения»: «ты украинец, а значит твой родной язык – украинский» На основе этого фрейма и осуществлялись многие удобные для украинской власти социолингвистические и социальные опросы. Например, по данным Всеукраинской переписи населения, проведенной в 2001 году, русский язык признали родным всего 29,6% населения Украины, хотя большая часть из оставшихся в пределах 80,4% использует в качестве функционально первого именно русский язык, что подтверждается, например, приведенными выше выводами Института Гэллопа и данными других социологических исследований. Для обоснования этого расхождения используется тезис о «русификации» народа Украины. Правда, в этом случае становятся необъяснимыми некоторые факты из истории внедрения украинского языка, например, в языковое пространство Донбасса, где в 20-е годы XX века активно проводилась политика не русификации, а именно украинизации. В. Корнилов в своей книге «Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта» пишет по этому поводу: «В 1921 году в Донецкой губернии насчитывалось аж 5 украинских школ (при 2250 русских). К началу 1923 г. их число возросло до семи. А вот с этого времени началась тотальная украинизация образования! Наркомпрос УССР издал приказ с начала 1923–24 учебного года украинизировать в течение трех лет 680 школ в губернии! При этом, как это было принято в годы первых пятилеток, все надо было «выполнять и перевыполнять». Поэтому уже к 1 апреля 1924 года при начальном плане 106 украинских школ таковых в Донбассе было открыто 156! Понятно, что большей частью – за счет закрытия русских школ. К концу 1924–25 учебного года было украинизировано уже 648 школ губернии (при плане – 636). Только за первый учебный год украинизации (1923–24 гг.) число учеников украинских школ в Донецкой губернии выросло на 866%, за 1924–25 гг. – еще на 415%. Такие резкие темпы украинизации образования, само собой, сопровождалась серьезными проблемами. Главная из них – тот факт, что сами учителя Донбасса мовой не владели. Скорострельные курсы по украинизации, которые обязали пройти всех учителей, лишь в общих чертах давали представление о правилах мовы, которые практически еще и не были кодифицированы. Учительница из Славянска Н. Тарасова в своем письме от 1928 г. так рисовала ситуацию в Донбассе: «В школах идет двойная трата времени в связи с украинизацией – учитель сначала проводит беседу с учениками по-украински, а потом по-русски, чтобы дети лучше поняли. К пику украинизации ситуация в образовании Донбасса стала просто-таки катастрофической. На 1 декабря 1932 г. из 2239 школ Донбасса 1760 (78,6%) были украинскими, а еще 207 (9,3%) – украинско-русскими. Русскоязычное образование в крае было фактически разгромлено и запрещено. Ситуация дошла до того, что, скажем, в русскоязычной Макеевке в 1932–33 учебном году в начальных школах не осталось ни одного русского класса. К 1933 г. в Донбассе были закрыты все русские педагогические техникумы – русскоязычных учителей негде было готовить. Не более 26% этнически русских

учеников края могли учиться в русских школах. В январе 1934 г. на 2-й Донецкой областной партконференции председатель облпрофсовета Масленко (видимо, тот который Павел Федорович) заявил, что в области **«не менее 40 тысяч детей были принудительно украинизированы»** (выделено нами – *В.Т.*) [Корнилов 2017: 544–545].

Общеизвестно, что фронтальное освоение Донбасса осуществлялось с 70-х годов XIX столетия. Возникает вопрос: кого же украинизировали в Донбассе? Русифицированных украинцев? Но ведь за 50 лет при всех возможных «карательных» ограничениях заставить говорить людей, по крайней мере, на бытовом уровне не на родном языке невозможно. А политика украинизации как раз и предполагала перевести на украинский язык общения тех, кто на бытовом уровне разговаривал по-русски. Следовательно, не русификация, а именно украинизация осуществлялась в русскоязычном крае, который стал украинским только по желанию руководителей коммунистической партии и Советского правительства. Иначе говоря, Донбасс предвосхитил судьбу Крыма, переданного Украине в 1954 году: в нем, русскоязычном, тоже проводилась политика украинизации.

Для того чтобы создать базу «престижности» украинского языка, украинскими (и не только) учеными долгое время разрабатывался ряд мифологем, подтверждающих исконность, древность украинского языка, о которых мы писали в [Теркулов 2020]. Одной из них является мифологема о возникновении украинского, именно украинского, а не малорусского, языка в древнейшую эпоху, чуть ли не в древнерусские времена. Нужно сказать, что определение факторов, способствующих трансформации диалекта в язык, вернее, трансформации определения того или иного идиома как языка или диалекта, является одной из важнейших и трудноразрешимых проблем социолингвистики.

Пожалуй, первой научной работой, предполагавшей появление украинского языка еще в VII–VIII вв. была монография А.А. Шахматова «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (1916), в которой он утверждает: «Распадение восточнославянских племен и их языка относится (в своем постепенном ходе) к VII и VIII в.; вероятно, к IX в. восходит (как завершение процесса) распадение единого русского племени на три племенные группы: южную, северную и восточную» [Шахматов 2002: 36]. С ним не соглашается А. Крымский, который в работе 1922 года «Українська мова звідкіля вона взялася і як розвивалася» отмечает: «Считать язык всех восточнославянских племен в IX веке еще практически одним языком – это в конце концов не будет антинаучным. То, что отдельные говоры трех восточнославянских языков должны были уже тогда иметь очень характерные черты, – это так. Но какого-либо взаимного непонимания между ними в IX веке допустить не смеем» [Крымский 1973: 258]. На основе анализа ряда южнорусских памятников XI в., например, Изборников Святослава 1073 и 1076 гг., Синайского патерика XI в., Житийного Успенского сборника XII в. с произведениями также местных печерских отцов, Богословия Иоанна Дамаскина XI в., Студийского Устава около 1193 г. и др. и констатации наличия в них лексических, фонетических и морфологических черт, являющихся прототипическими для современного украинского языка или актуальных для него и сейчас, например, смешения звуков [и] и [ы], перехода [ѣ] в [и], появления фрикативного [h] и ряда других, ученый предполагает, что украинский (малорусский) язык возник в XI веке: «Таким образом, по общей совокупности своих признаков, живой язык юга XI в. стоит

в восточном славянстве совсем уж особняком. Речь Поднепровья и Червонной Руси XI в. – это вполне рельефная, очень определенная, ярко индивидуальная лингвистическая особь, и в ней с чрезвычайной легкостью и отчетливостью может быть опознан прямой предок современного малорусского языка, потому что уже содержит огромную часть современных малорусских особенностей» [Крымский 1973: 268].

Именно на основе констатации структурных расхождений между великорусскими и малорусскими наречиями строят свою аргументацию о древности украинского языка практически все исследователи, в том числе некоторые современные российские ученые. Например, А. Дыбо в своем интервью сетевому изданию «Украина.ру» утверждает: «Считается, что древнерусский язык раскололся на национальные языки в XIV–XV веках. <...> Должна сказать, что люди, которые так считают, на самом деле ориентируются на первые хорошо определяемые по языку памятники. Но дело в том, что в грамотах XIV–XV веков, составленных в малороссийских княжествах, видны уже не только признаки украинского языка, но и диалектов украинского языка. Сам язык начал формироваться гораздо раньше. Я вам сейчас скажу вещь, которую некоторые русисты знают, но далеко не все. Дело в том, что один из самых ярких признаков украинского языка, выделяющих его среди восточнославянских языков, – это сужение гласных «Э» и «О» в позиции новозакрытого слога» [Дыбо 2019], то есть переход [e] и [o] в закрытых после падения редуцированных слогах в [и], например укр. *ніс* в соответствии с рус. *нёс*, укр. *віл*, имеющее своим эквивалентом рус. *вол*, и т.д. И далее на вопрос корреспондента издания «То есть украинский язык пошел с того момента, как началось передвижение гласных в верхний регистр в позиции новозакрытого слога?» Анна Владимировна отвечает: «Если смотреть с чисто лингвистической, а не с социолингвистической точки зрения (выделено нами – В.Т.), да. Это смещение является маркером украинского языка, потому что в других восточнославянских языках этого не произошло. Это очень явственный признак, мы его находим на всем пространстве того, что относится к украинским диалектам. Причем с точки зрения исторической диалектологии все эти штуки начинают выделяться довольно рано, гораздо раньше, чем принято думать. Это значит, что **украинский язык древнее XIV–XV веков лет этак на 300** (выделено нами – В.Т.)» [Дыбо... [http](#)]. Тут особенно важно то, что А.В. Дыбо говорит о чисто лингвистической точке зрения, которая нам не кажется определяющей: с «чисто лингвистической точки зрения», например, сербский и хорватский языки должны считаться диалектами одного языка, а диалекты арабского – самостоятельными языками. Вероятно, нам следует определиться с критериями разграничения языков и диалектов как в синхронии, то есть попытаться ответить на вопрос, почему мы считаем одни идиомы разными языками, а другие – разными диалектами одного языка, так и в диахронии, то есть установить те стимулы, которые становятся причиной формирования на основе каких-либо диалектов самостоятельных языков.

Анализу синхронных оснований разграничения языков и диалектов посвящена наша недавняя статья [Теркулов 2022]. Мы предполагаем, что синхронные методики должны вступить в корреляцию с методиками диахронными.

Существуют два типа синхронных подходов к определению статуса идиома (язык и диалект): собственно лингвистические, которые для разграничения языков и диалектов предполагают учет собственно языковых сходств-различий в сопоставляемых идиомах для определения их статуса (это и есть то, о чем

пишет А.В. Дыбо), и экстралингвистические, предполагающие учет социальных и социолингвистических характеристик сопоставляемых идиомов. На уровне диахронии собственно лингвистический подход опирается на идею трансформации диалекта в язык в результате неких фонетических, грамматических, лексических изменений, формирующих структурные отличия данного диалекта от других диалектов языка-основы, а экстралингвистический – на идею отрыва диалекта в результате развития нового лингвоэтнического самосознания его носителей, определяющего желание языковой и этнической изоляции от праязыка и праэтноса.

Лингвистический подход

1. Критерий «взаимопонимания» («взаимопонятности», «общепонятности») между носителями разных диалектов

Согласно этому критерию, выделение диалекта в отдельный язык осуществляется тогда, когда его носители перестают понимать носителей других диалектов. Как было показано выше, А. Крымский считал, что в IX–X веке взаимопонимание между жителями юга и севера Руси еще имело место, но, начиная с XI века, было затруднено, с чем согласиться сложно хотя бы потому, что даже в XIX–XX веках речь малороссов была понятна великороссам и наоборот. Как отмечал Н.С. Трубецкой в 1927 г., то есть через 5 лет после публикации статьи А. Крымского, «различия между основными русскими (восточнославянскими) наречиями – великорусским, белорусским и малорусским – не настолько глубоки, чтобы затруднять взаимное общение представителей этих наречий. Что касается до давности этих различий, то она тоже сравнительно незначительна. Звуковые особенности, отделяющие друг от друга три основных русских наречия, не древнее середины XII века; словарные различия – каковые особенно важны, ибо более всего затрудняют взаимное общение, – возникли преимущественно в эпоху польского владычества над западной Русью и сводятся главным образом к наличию в малорусском и белорусском народных языках огромного количества полонизмов (т.е. слов и выражений, либо прямо заимствованных из польского, либо созданных по образцу польских), чуждых великорусским народным говорам. Таким образом, ни о глубине, ни о древности различий между тремя основными русскими (восточнославянскими) наречиями говорить не приходится» [Трубецкой 1990: 115]. И в сноске добавляет: «За вычетом этих полонизмов словарное различие между малорусским и южновеликорусским народным языком оказалось бы не большим, чем различие между рязанским и вологодским. Следует особенно принять во внимание, что в южновеликорусских говорах есть очень много слов, не вошедших в русский литературный язык, но существующих в малорусском (*хата, девчина* и т.д.)» [Трубецкой 1990: 115].

Критерий взаимопонимания не только в нашем случае, но и вообще, вряд ли можно признать убедительным в качестве стимула для распада языкового единства. Например, серб и босниец достаточно хорошо понимают друг друга, равно как и носители тюркских языков, но это не мешает им считать, что они говорят на разных языках. Как справедливо отмечает А.Ю. Мусорин, «если отсутствие взаимопонимания действительно может свидетельствовать о том, что перед нами различные языки, то наличие такого взаимопонимания ни в коей мере не свидетельствует, что перед нами всего лишь диалекты одного языка» [Мусорин 2001: 12]. Например, «носители большинства тюркских языков вполне способны на бытовом уровне понимать друг друга без переводчика, однако никому не придет в голову рассматривать, скажем,

шорский и татарский как диалекты единого тюркского языка» [Мусорин 2001: 12]. Однако верно и обратное: в диалектных континуумах, особенно в языках с большим количеством носителей, степень взаимопонимания уменьшается с увеличением расстояния между идиомами и может отсутствовать между крайними точками, о чем см. [Hudson 1996: 35]. На это же указывает и Н.С. Трубецкой: «Саксонцы и тирольцы тоже почти не понимают друг друга, когда говорят на своих родных говорах, а миланцы и сицилианцы просто-таки совсем друг друга не понимают» [Трубецкой 1990: 115], но это не мешает первым считать, что они говорят на немецком языке, а вторым – на итальянском.

2. Критерий «появление языковых особенностей, отличающих выделяющийся идиом от других диалектов языка».

Именно этот критерий используют при выявлении времени выделения украинского языка чаще всего. Как было показано выше (мнение А.А. Шахматова, А. Крымского, А.В. Дыбо и др.), считается, что основанием для такого выделения является появление каких-либо языковых черт, ставших знаковыми в современных языках, возникших на базе древних диалектов. Иными словами, причиной трансформации диалекта в язык представляется его структурное развитие. Однако этому противоречит анализ расхождений между современными диалектами, которые зачастую являются более весомыми, чем различия между северными и южными диалектами древнерусского языка. Например, тот же А. Крымский в упомянутой статье приводит достаточно большее количество различий между восточномалорусским (собственно малорусским) и западномалорусским (галицким) наречиями украинского языка [Крымский 1973: 254–256], чем между южнорусскими и севернорусскими диалектами древнерусского языка. Но почему-то не трактует их как различия между языками.

Вряд ли приведенный критерий может быть применен для определения не просто времени выделения идиома в отдельный язык, но и вообще для констатации такого выделения: мы не говорим, например, основываясь на различии оканья и аканья, что севернорусское и южнорусское наречия – и не наречия вовсе, а разные языки, разошедшиеся еще в XII в. (именно к этому веку относят возникновение аканья в южнорусских говорах). Почему фрикативный [ɣ] в южнорусских говорах не стал причиной трансформации их в отдельный язык? Вероятно, потому, что структурные изменения не являются стимулом для распада языка на два самостоятельных: они выступают в качестве диалектных структурных новообразований, которые только в случае трансформации диалекта в язык становятся характерными чертами этого языка, но отнюдь не мотивируют эту трансформацию. В любом случае, определить по памятникам письменности появление нового языка на основании обнаружения в этих памятниках какой-то особой языковой черты, характеризующей в современности тот или иной язык, не представляется возможным хотя бы потому, что во всех диалектах есть какие-то особые языковые черты, но они являются только чертами, характеризующими идиом, и практически ничего не говорят о его статусе. Об этом же пишет Н.С. Трубецкой: «Надо вообще предостеречь от довольно распространенного предвзвещения, будто существование сильных различий между двумя наречиями неминуемо влечет за собой (или должно повлечь за собой) и создание для каждого такого наречия особого литературного языка. Живые языки современной Европы самым решительным образом противостоят этому мнению. Каждый из больших литературных языков Европы (французский, итальянский, английский, немецкий) господствует на территории

лингвистически гораздо менее однородной, чем территория русских племен. Различия между нижненемецким (Plattdeutsch) и верхненемецким (Oberdeutsch) или различия между народными говорами северной Франции и говорами Прованса не только сильнее, но и значительно древнее различий между малорусским, белорусским и великорусским. Мы видели выше, что различия между этими основными русскими наречиями не древнее XII в.; между тем, нижненемецкий и верхненемецкий выступают как два самостоятельных и внутренне уже дифференцированных языка с самого начала средневековой немецкой письменности, а различие между собственно французским и провансальским языками восходит к самому началу романизации Галлии» [Трубецкой 1990: 115]. То же находим у С.Е. Яхонтова: «Если говорить о наиболее близком родстве, может показаться, что термины «язык», «диалект», «говор» отражают степень взаимной близости обозначаемых ими форм речи. Но это далеко не всегда так. Две идиомы (будем пользоваться этим словом как общим названием разных форм речи, независимо от того, признаются ли они разными языками или нет), считающиеся двумя диалектами одного языка, вовсе не обязательно будут более сходны друг с другом, чем две другие, считающиеся самостоятельными языками. Лингвисты, занимающиеся проблемой разграничения понятий языка и диалекта, обычно оговаривают, что **для решения ее степень сходства или несходства сравниваемых идиом несущественна** (выделено нами – *V.T.*)» [Яхонтов 1980: 148–149].

Вероятнее всего, трансформацию диалекта в язык мотивируют другие, в первую очередь, экстралингвистические, факторы, в результате действия которых, на наш взгляд, изменяется статус идиомных структурных явлений: они перестают определяться как диалектные и начинают определяться как языковые. Это, кстати, подтверждается и ситуациями препятствия преобразованию диалекта в язык. Например, древненовгородский диалект имел, по свидетельству А.А. Зализняка, все основания, чтобы преобразоваться в самостоятельный язык: новгородские земли были изолированы в период феодальной раздробленности от других земель древнерусского государства, на территории древнего Новгорода функционировал структурно отличавшийся от других диалектов древнерусского языка идиом, он имел письменную форму фиксации и т.д. Однако «развитие <его> в самостоятельный язык было прервано с концом новгородской независимости и включением Новгородской земли в состав Московского государства (т.е. это своего рода предъязык, которому не суждено было развиваться дальше этой фазы)» [Зализняк 2004: 7]. Как видим, именно социально-политический фактор способствовал включению древненовгородского наречия в систему диалектов русского языка. А это значит, что обособление диалекта и формирование на его базе языка имеют в первую очередь именно экстралингвистические социальные (политические, религиозные, культурные и т.д.) причины.

Экстралингвистические причины

3. Критерий «создание нового лингвонима для обозначения трансформированного в язык диалекта»

Данный критерий в свое время четко сформулировал А.А. Зализняк: «На самом деле история всякого языка с определенным названием – французского, русского, латинского, китайского – это история того периода времени, когда существует это его название» [Зализняк 2012].

Этот критерий нам представляется наиболее убедительным: именно появление лингвонима является главным маркером возникновения языка и формирования

этнического самосознания. Например, возникновение черногорского языка связывают с появлением в 2007 г. наименования «црногорски језик / crnogorski jezik», которое заменило лингвоним «српски језик ијекавског изговора», указывавший на диалектный статус данного идиома. Возникновение мальтийского языка относят к XI веку, когда появилось название «malti» для обозначения изначально диалекта арабско-сицилийского народно-разговорного языка. Можно предположить, что именно появление указанных лингвонимов стало маркером завершения формирования национального самосознания черногорцев и мальтийцев.

И вот здесь для украинского языка возникают некоторые сложности. Лингвоним «українська мова» появляется, по свидетельству [Жовтобрюх, Молдован: 513– 514], только в XX веке. До этого на Западной Украине использовался лингвоним «руська мова», а на территории Российской империи – сначала лингвоним «малороссийское наречие», а затем – «малороссийский язык». А. Крымский, правда, называл эти идиомы наречиями малороссийского языка – западномалороссийским и восточномалороссийским [Крымский 1973: 254]. Это, вполне очевидно, было сделано для того, чтобы обосновать идею замены лингвонима: изначально эти наречия были наречиями одного языка, который назывался малороссийским, а затем лингвоним «малороссийский язык» по непонятным причинам трансформировался в «украинский язык», и они стали наречиями украинского языка. Впрочем, сам А. Крымский отмечает, что малороссы даже в его времена с сомнением относились к идее «единой нации» с галичанами: «Правда, в литературных спорах малороссы, говоря о чертах несходства между языком малороссов австрийско-подданных и российско-подданных, все еще часто именуют один язык «галицким», а другой — «украинским» и противопоставляют «австрийских русинов» подлинным «украинцам», т. е. суживают смысл термина «Украина»; но за последние времена даже в таких случаях предпочитают соблюдать терминологию: «язык Украины Австрийской» и «язык Украины Российской». Спорить против замены имени «малорусский» именем «украинский», которым малороссы дорожат, было бы и бесцельно: житейская практика преодолевает филологическую точность. Все же филологи, надо полагать, еще долго не откажутся от несбивчивого термина «малорусский язык», как ради точности диалектологической, так и из-за соображений об исконной истории развития малорусского языка» [Крымский 1973: 254]. Однако и сами жители Западной Украины не называли себя малороссами. Еще в конце XIX века они использовали самоназвание «русины», которое затем было заменено не эндоэтнонимом «малоросс», а эндоэтнонимом «украинец». Однако, как свидетельствует С. Макарчук, даже «восприятие народоназвания “украинец” как **присущей всем русинам** (выделено нами – В.Т.) населением Галиции затянулось до начала Второй мировой войны» [Макарчук 1994: 211]. Иначе говоря, по крайней мере, на уровне этнонима, многие галичане очень долго не считали себя одним народом с малороссами.

Это позволяет предположить, что лингвоним «украинский язык», возникнув в конце XIX – начале XX века, стал свидетельством конвергенции двух языков, бытовавших у двух близких, но все-таки различавшихся этносов: малороссийского наречия/языка, бытовавшего в Российской империи, и русьской мовы, использовавшейся в Польше и Австро-Венгрии. Причины этой конвергенции нужно определить, но это не является целью предлагаемой статьи.

4. Критерий «наличие литературного языка, а для бесписьменных языков – наддиалектного койне, объединяющих диалекты в один национальный язык». Например, диалекты русского языка объединяет русский литературный язык; диалекты арабского, несмотря на то что в различных странах они сильно отличаются друг от друга и зачастую невзаимопонятны, объединяет стандартный арабский литературный язык; диалекты цыганского языка объединяет основанный на кэлдэрарских диалектах проект наддиалектного койне – «общецыганского языка».

Этот критерий невозможно использовать в качестве объяснительного для периода распада языкового единства: все-таки для формирования кодифицированного идиома нужно время. Но он является показателем окончательной сформированности национального языка. Ситуация с украинским языком в этом случае показательна. Дело в том, что малороссы и русины пользовались разными литературными языками. Вот что об этом пишет А. Крымский: «Литературное применение малорусского языка в его чистом беспримесном виде есть черта новая собственно лишь с конца XVIII в.» [Крымский 1973: 272]. Об этом же пишет Н.С. Трубецкой: «И тем не менее, новый украинский (малороссийский – *В.Т.*) литературный язык возник. **Возник он в конце XVIII в., при этом, вне всякой связи с вымершим западнорусским литературным языком** (выделено нами – *В.Т.*). Основателем нового украинского литературного языка считают Котляревского. Произведения этого писателя («Энеида», «Наталка-Полтавка», «Москаль-Чарівник», «Ода князю Куракину») написаны на простонародном малорусском говоре Полтавщины и по своему содержанию относятся к тому жанру поэзии, в котором намеренное применение простонародного языка вполне уместно и мотивировано самим содержанием. Стихотворения наиболее крупного украинского поэта, Тараса Шевченко, написаны большей частью в духе и в стиле малорусской народной поэзии и, следовательно, опять-таки своим содержанием мотивируют употребление простонародного языка» [Трубецкой 1990: 116]. На территории Западной Украины как минимум до XVIII в. использовался западнорусский литературный язык – руська мова, которая во многом отличалась от литературного малороссийского языка. Как писал А. Крымский, «несколько иначе сложилось создание литературного малорусского языка в Галичине. Оторванная в конце XVIII в. от прочей Украины и присоединенная к Австрии, Галичина сохранила в качестве литературного языка то самое польско-малорусское – церковнославянское язычие, которое было в ходу у нее и у всех малороссов прежде раздела Польши и присоединения Галичины к Австрии. Это жаргонное язычие, иногда уснащаемое также подмесью элементов из псевдоклассического языка Тредьяковского, Ломоносова и Державина, сделалось вскоре же органом высшего преподавания во львовском университете, когда Иосиф II открыл там кафедры для русинов, и органом юридических галицко-австрийских отношений» [Крымский 1973: 275]. И только «с 1830-х гг. проникло в Галичину и уже не прекращало проникать влияние живой, демократической украинской литературы с ее ярко-простонародным языком, и галицкие русины стали черпать литературную силу из речи своего собственного малорусского галицкого простонародья, а то и прямо подражали чистому языку приднепровских писателей, особенно преклоняясь перед Шевченко. Под конец, большей частью около начала XX в., галичане решительно усвоили себе даже имя «украинцы». Но вполне избавиться от пережитков язычия и от его антинародного и искусственного влияния галичанам-интеллигентам не удалось и по нынешний

день» [Крымский 1973: 275]. Как видим, и литературный язык изначально не был общим у малороссов и галицких русинов.

Вышесказанное позволяет выдвинуть гипотезу о том, что возникновение единой украинской нации на базе двух народов – галицийского и малороссийского осуществилось в конце XIX – начале XX веков, возможно, не без участия внешних политических сил – сначала служб Австро-Венгерской империи, а затем Советского правительства. То же о языке: украинский язык, скорее всего, возник только в конце XIX – начале XX веков в результате конвергенции бытовавшего в Российской империи малороссийского языка и галицкой, распространенной в Польше и Австро-Венгрии, русьской мови. Вопрос теперь состоит в том, чтобы определить причины, время и условия возникновения этих идиомов.

© Теркулов В.И., 2023

Литература

Дыбо А.В. Украинский язык 200–300 лет назад сильно влиял на русскую культуру // Украина.ру, 06:40 09.11.2019 (обновлено: 11:23 14.07.2022). Режим доступа: <https://ukraina.ru/20191109/1025596155.html> (дата обращения: 12.09.2022).

Жовтобрюх М.А., Молдован А.М. Восточнославянские языки. Украинский язык // Языки мира. Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 513–548.

Зализняк А.А. Об истории русского языка. Лекция, прочитанная 24 февраля 2012 года в школе «Муми-тролль». Режим доступа: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431649/Ob_istorii_russkogo_yazyka

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Іванишин В., Радевич-Винницький Я. Мова і нація. Дрогобич, 1994. 235 с. Режим доступа: <http://www.ruthenia.info/txt/radevynja/movnaz/index.html#IXMOBAIETHOC> (дата обращения: 12.09.2022).

Касьянов Г.В. Теорії нації та націоналізму. Киев: Либідь, 1999. 351 с.

Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. М., 2017. 576 с.

Кримський А.Ю. Українська мова звідкіля вона взялася і як розвивалася // Кримский А.Ю. Твори: в п'яти томах, шести книгах. Том 3. Київ: Наукова думка, 1973. С. 252–282.

Макарчук С. Україна і українці: поява, поширення та утвердження назв // Другий міжнародний конгрес українців. Львів, 22–28 серпня 1993 р. Доповіді і повідомлення. Історіографія українознавства, етнологія, культура. Л., 1994. С. 206–211.

Мусорин А.Ю. Что такое отдельный язык? / А.Ю. Мусорин // Сибирский лингвистический семинар. Новосибирск, 2001. № 1. С. 12–16.

Полежаев Д.В. Менталитет и язык: особенности феноменологического взаимодействия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 5. С. 57–62.

Теркулов В.И. Социолингвистическое программирование: современные формы борьбы с русским языком и русской ментальностью // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: материалы 7 Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2019. С. 100–105.

Теркулов В.И. Язык или диалект: к проблеме разграничения явлений // Культура в фокусе научных парадигм. 2022. № 14–15. С. 195–203.

Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 114–134.

Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. М.: Индрик, 2002. 424 с.

Яхонтов С.Е. Оценка степени близости родственных языков // Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука, 1980. С. 148–157.

Hudson R. A. Sociolinguistics. – New York: Cambridge Univ. Press, 1996.

Russian Language Enjoying a Boost in Post-Soviet States. Режим доступа: <https://news.gallup.com/poll/109228/RussianLanguage-Enjoying-BoostPostSoviet-States.aspx> (дата обращения: 18.04.22).

Сведения об авторе:

Теркулов Вячеслав Исаевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, Россия

e-mail: terkulov@rambler.ru

Для цитирования:

Теркулов В.И. Украинский язык: время возникновения // Вопросы психолингвистики № 1(55) 2023, С. 137–149, doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-137-149

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-55-1-137-149

Review article

UKRAINIAN LANGUAGE: TIME OF ORIGIN

Vyacheslav I. Terkulov
Donetsk National University
Donetsk, Russia

Abstract

The paper highlights the reasons for the keen interest of Ukrainian ideologists in the concept of “language”. Among these reasons is the desire to objectify the main and, perhaps, the only factor that distinguishes a Ukrainian from a Russian – the factor of using the Ukrainian language as a mother tongue, and the intention to build a new mentality based on the Ukrainian language – Ukrainian proper. For this purpose, the idea of the antiquity of the origin of the Ukrainian language is used, which is justified by the actual linguistic evidence of the existence of linguistic features in the southern Old Russian dialects, which are also noted

in the modern Ukrainian language. The author of the paper, on the basis of extralinguistic parameters for determining the status of idioms, puts forward a hypothesis that the Ukrainian language emerged at the beginning of the 20th century as a result of the convergence of the Galician Ruska language and the Malorussia language.

Keywords: idiom, language, dialect, convergence, Ukrainian language, Ruska language.

©**Terkulov V.I., 2023**

Bionotes:

Vyacheslav I. Terkulov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language, Donetsk National University

Contact information:

24, Universitetskaya St., Donetsk, Russia, 283001

email: terkulov@rambler.ru

For citation:

Terkulov V.I. Ukrainian language: Time of origin // Journal of Psycholinguistics. 1(55), 2023. P. 137–149. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-137-149 (in Russian)